

«ЛИТМУЗЕЙ»

ЕЛЕНА ТИТОВА

КОНЦЕПЦИЯ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ЭМИГРАНТСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Осмысление специфики детской литературы, её отличительных особенностей, национального и индивидуального своеобразия наиболее активно происходило в XIX-XX веках и захватило многих художников слова, педагогов, учёных и методистов. Совокупность мнений и оценок позволяет увидеть две диаметрально противоположные точки зрения. Согласно первой, детские произведения пишутся для воспитания и, безусловно, учитывают психолого-возрастные качества ребёнка-читателя. Сторонники второй точки зрения утверждают обратное: детская литература в содержательном и художественном отношении почти ничем не отличается от взрослой, и выделение её не обязательно, поскольку ребёнок в активном читательском возрасте (10-15 лет) зачастую сосредотачивается на произведениях, для него совершенно не предназначенных.

В творчестве М. Цветаевой, в её эпистолярном наследии немало рассуждений, соответствующих именно второй позиции. Сошлёмся в качестве примера на строки из письма, написанного 18-летней Цветаевой М. Волошину: «Дети – не поймут? Дети слишком понимают! Семи лет Мццри и Евгений Онегин гораздо верней и глубже понимаются, чем двадцати» [Цветаева, 1994:46]. Однако не только в этом письме, но и в других произведениях Цветаевой, большинство из которых создано в период эмиграции, чётко просматриваются концептуальные характеристики детской литературы как таковой.

Обращение Цветаевой к характеристике детской читательской аудитории и определению основных свойств детской литературы было вызвано целым рядом причин. Среди внутренних следует назвать факт раннего творческого самоопределения, обусловленного в первую очередь интенсивным чтением самых разных литературных произведений. Не случайна, при многочисленности реальных персонажей и адресатов первых лирических стихотворений, следующая обмолвка: «Книги мне дали больше, чем люди» [6,47].

Отметим также открытые Цветаевой в ранней лирике и подмеченные рецензентами «Вечернего альбома» и «Волшебного фонаря» детские темы: тоски по родительской ласке и вниманию, детской игры и влюблённости, почитания кумиров, различия детских темпераментов и типов поведения. По сути, через попытку определения «разных» детей (стихотворение «Разные дети») Цветаева приближается и к осознанию неизбежного у этих детей различия в читательском опыте и читательских предпочтениях. Открыто же эти непохожие реакции на один и тот же литературный текст обозначаются в стихотворении «Как мы читали „Lichtenstein“»:

*Ульрих – мой герой, а Георг – Асин,
Каждый доблестью пленить сумел:
Герцог Ульрих так светло-несчастен,
Рыцарь Георг так влюблённо-смел! [1, 42]*

Суммируя поэтические высказывания Цветаевой 1910-х годов, можно отметить её убеждённую необходимость героического и романтического начал в детской литературе, авантюрных сюжетов и волшебства. При этом она полагает естественными в таких произведениях трагедийное начало и тему

смерти, акцентируя в реакции-сопереживании ребёнка-читателя именно сострадание. Никаких «охранительных» советов и рекомендаций молодая Цветаева, ставшая матерью в 1912 году, вроде бы не даёт и в дальнейшем. Дочь Аля читает всё, что оказывается доступным, и её читательский кругозор формируется так же бессистемно, как когда-то и у самой Цветаевой, практически одновременно открывшей для себя Лидию Чарскую, Виктора Гюффмана, Сельму Лагерлеф, Степняка-Кравчинского, Достоевского, Андрея Белого и Ростана. Оценочная характеристика детского читательского выбора, если бы Цветаева её прямо сформулировала в 10-е годы, могла бы выглядеть так: ребёнок имеет право читать всё – и то, что написано специально для него, и то, что рассчитано на взрослое сознание.

Однако следует обратить внимание и на другое цветаевское суждение, обозначенное в том же письме к М. Волошину: «Каждая книга – кража у собственной жизни. Чем больше читаешь, тем меньше умеешь и хочешь жить сам» [6,46]. Пытаясь разобраться в психической реакции самозабвения, в детском отождествлении себя с героем или героиней (об этом же и стихотворения «Анжелика», «Потомок шведских королей», «В зеркале книги М. Д.-В.»), Цветаева приходит к мысли о том, что раннее, бессистемное, «запойное» чтение отрывает человека от жизни, порождает иллюзию преждевременного опыта, всезнания бытия и неизбежно провоцирует скуку, душевную усталость, нежелание жить или острую тоску по живому, не книжному миру. Именно эта мысль позволит в дальнейшем изменить и уточнить своё отношение к детской книге.

Обстоятельства жизни Цветаевой в эмиграции обусловили ряд дополнительных факторов её размышлений о детском чтении, о книгах для юных читателей. Ей, несомненно, хотелось сохранить русскую культуру своей дочери, а этому вряд ли могла способствовать учебная программа какого-нибудь чешского пансиона или даже гимназии, в которой работали однополчане С. Эфрона (с сентября 1923 г. до весны 1924 г. одиннадцатилетняя Аля находилась в интернате русской гимназии в чешском городе Моравская Тшебова). Родившийся в 1925 году сын тоже вызвал особую заботу. Ему ещё не исполнилось 4-х, когда Цветаева указала: «Он страшно русский, на лбу написано. С каким-то вызовом – русский. – Что с ним будет дальше?» [6,384]. Беспокойство заставило её подбирать сыну именно русские книги для чтения и вспоминать уже совершенно иначе свои детские книжные впечатления.

Таким образом, оказавшись в эмиграции, Цветаева существенно меняет свою позицию: она уже не отрицает необходимости взрослого контроля за детским чтением, тщательно определяет качественный набор необходимых произведений для подрастающего читателя. В свою очередь это заставляет её не только предполагать, но и анализировать детскую реакцию на прочитанное, оценивать доступные ей современные русские издания детской литературы и напрямую обращаться к детям.

Наиболее активный в условиях эмиграции период формирования цветаевских мыслей о детской литературе: 1926-1938 гг. Тексты, в которых высказываются данные мысли, имеют разную жанровую природу: ответы на анкету, мемуарные очерки, литературно-критические эссе, статьи, короткие новеллы, письма, дневниковые записи. Из них наиболее значимыми являются: ответ на анкету 1926 г. (фрагмент, посвящённый книгам), «О новой русской детской книге» (статья), «Сказка матери», «Мать и музыка», «Чёрт», «Мой Пушкин», «Детям» (открытое письмо, предназначенное для детского журнала на русском языке).

Хронологически первое её размышление в эмиграции связано с гендерными свойствами литературы и в целом искусства, ориентированного на детей. Это подтверждают глава «Детский рай» (последняя) поэмы «Крысолов», созданной в 1925 году по следам пребывания в благополучном чешском городке Моравская Тшебова, где в русской гимназии училась Ариадна. Манящая мелодия флейтиста расшифровывается повествователем как набор атрибутивных составляющих искусства для мальчиков (ружья, кегли, доспехи, кони, войны, пули, дозорные знаки, игры) и для девочек (куклы, иглы, наряды, лани, свадьбы, бусы, ленты, тайные числа, страсти). Показательна и возрастная иерархия:

*Погремушки для самых маленьких!
Сказки – пастора рассмешит!
И романтики для больших. [3, 105]*

Распространяя эту мысль на вид словесного искусства, подчеркнем важность для Цветаевой первоначального приобщения ребёнка к чтению через слушание и первоначального же восприятия книги как забавы, игрушки. Впрочем, все указанные выше ряды и классификации обобщаются в поэме главным определением искусства для детей. Оно должно быть:

*На всякие нужды! на всякие вкусы!
<...>
На всякие жажды! на всякие масти! [3,105]*

Отвечая же в 1926 году на анкету, присланную Пастернаком, Цветаева сосредотачивается исключительно на оценке книг, соединяя два пункта: о влияниях детских лет и о любимых писателях. Она уже не возвращается к мысли о первостепенности читательского опыта в процессе формирования сознания ребёнка, в её ответах сначала и несколько подробнее говорится о влиянии людей (матери, отца) и событий, имеющих внелитературный характер. Через 15 лет после процитированного в начале данной статьи письма М. Волошину для неё более важным кажется не объём прочитанного в детстве, а соответствие любимой книги возрастной эпохе читателя. Индивидуальность опыта самой Цветаевой, конечно, проявляется в этом перечне: «Ундина» Фридриха де ла Мотт Фуке в переводе Жуковского, «Лихтенштейн» В. Гауфа, «Aiglon» («Орлёнок») Ростана; но в концептуальном отношении значимость обретают указание «каждая даёт эпоху» [4, 622] и распределение любимых книг по этим эпохам: первая – раннее детство, вторая – отрочество, третья – ранняя юность. Логика цветаевских перечислений свидетельствует: пройдя «книжные эпохи», взрослеющий читатель дорастёт и до осмысления национального эпоса, легендарно-исторических повествований («Нибелунги», «Илиада», «Слово о полку Игореве»). Невольно фиксируется в этих ответах и зависимость взрослых литературных предпочтений от раннего воздействия: если в детском чтении изначально доминировала поэзия, то и самыми любимыми на всю жизнь книгами для такого читателя вряд ли будут прозаические.

В конце 20-х годов Цветаевой были доступны многие русские детские издания, в том числе уже советского периода, присылаемые сестрой Анастасией для сына Георгия. Не откликнуться на них Цветаева не могла: слишком не похожи были эти произведения на то, что сама она читала в детские годы. С этого и начинается она свою статью «О новой русской детской книге», написанной в 1931 году для серьёзного взрослого журнала «Воля России».

Концептуальная характеристика детской литературы во вступлении включает в себя ряд следующих утверждений: 1) книга для дошкольника (ребёнка 4-6 лет) не должна быть объёмной; 2) предпочтительно стихотворное содержание, ибо «детей без собственных стихов – нет» [5, 324], то есть поэтическая речь ближе к собственному языку маленького ребёнка и активнее стимулирует в творчество последнего; 3) стихи должны быть высокого качества; 4) необходимо конкретное, узнаваемое, реалистическое в своей основе содержание, связанное с национальной культурой читателя (так критикуется «лжефантастический» мир гномов, фей, мотылек, которому Цветаева сама отдала дань в ранних стихах); 5) недопустима любая искусственность, утрированность условности, слащавость языка и предмета изображения.

Далее, переходя уже к цитатам и оценке конкретных текстов, Цветаева дополняет этот ряд: она приветствует повествовательные стихи познавательного содержания, наглядность и богатство иллюстративного материала, сравнение и диалог в поэзии для детей, критикует неряшливые рифмы и алогичное сцепление художественных образов и характеристик (последнее находит в детской русской книге, изданной во Франции); соглашаясь с необходимостью современной технической темы, указывает на предпочтительность темы природы и народной темы, отмечает как положительные явления приём антропоморфизации бытовых явлений и животного мира; сближение героев стихотворений с образом ребёнка. Цитаты, приводимые ею из книги С. Маршака «Детки в клетке», доказывают, что для Цветаевой вполне естественными и мудрыми в дошкольной поэзии представляются повторы, гиперболы, обилие глаголов и парная разноударная рифмовка, трехстопные размеры, преимущественно хореические. В этом смысле она даже несколько опережает в оценке художественных особенностей детской поэзии наставления, данные К. Чуковским: его «Заповеди для детских поэтов» начинают оформляться с 1933 года.

В связи с редакционным примечанием-упрёком, сопровождающим публикацию статьи «О новой русской детской книге», нам кажется правомерным указать ещё на одну позицию Цветаевой. Она действительно не обращает «внимания на агитационные задачи значительной части детской литературы и на связанную с этим борьбу за „коммунистическую“ детскую книжку» (5,694). Заметим, что и на стихотворные произведения Маяковского, подобные «Сказке о Пете, толстом ребёнке, и о Симе, который тонкий», она, при всём интересе к данному поэту, не реагирует никак. В этом умолчании вряд ли, однако, стоит видеть согласие, скорее, наоборот: по мысли Цветаевой, в детских стихах, особенно адресованных дошкольнику, не должно быть политической и классовой темы, а тем более пропаганды. Не случайно, несколько лет спустя, обращаясь уже к другому поэту – Дону Аминадо, она скажет: «Но мне-то, *ненавидящей* политику, его – *брезгующей*, жалко, что Вы пошли *ей* на потребу» [7,654].

Значительными для понимания цветаевского отношения к детской литературе являются также художественные автобиографические произведения 30-х годов, указанные нами выше. При всех тематических и жанровых различиях их объединяет ряд следующих наблюдений и суждений: 1) любой внешний запрет на чтение каких-то книг вызывает у ребёнка активное желание этот запрет нарушить (Цветаева как будто внушает взрослым: не хотите, чтобы дети прочли что-то лишнее, небезопасное для их ума и психики, – не запрещайте им эту книгу, иначе добьётесь обратного эффекта); 2) часто, особенно в подростковом возрасте, именно запрещаемая книга становится любимой, а рекомендуемая – нелюбимой; 3) ребёнок неизбежно полюбит читать, если взрослые (родители) будут посвящать его в свои литера-

турные увлечения (отсюда в очерке «Мать и музыка» такой пёстрый ряд книг: «Ундина», «Джейн Эйр», «Антон Горемыка») 4) у маленького ребёнка вполне естественно влечение к ужасному и страшному в литературе (так он убеждает себя в том, что его собственные страхи не единичны и не исключительны), но это влечение быстро проходит; 5) юный читатель предпочитает сказку в силу хорошей концовки, но и отрицательного героя часто жалеет и любит, ибо склонен считать, что зло – это временное, а доброта – вечное; и такое отношение распространяется впоследствии на чтение классических произведений; 6) преобладание лирических впечатлений на этапе начального знакомства с литературой располагает к чтению психологической и романтической прозы, а также к личному поэтическому творчеству; 7) избыточные и дидактические разъяснения прочитанного мешают непосредственной детской читательской реакции, которая бывает более точной и глубокой, чем у взрослых, и нередко вызывают отвращение к книге; ребёнку важнее эмоционально воспринимать и принимать текст, чем полностью понимать его; 8) «вопрос, в стихах, – приём раздражительный, хотя бы потому, что каждое *отчего* требует и сулит *оттого* и этим ослабляет самоценность всего процесса, всё стихотворение превращает в промежуток, приковывая наше внимание к конечной внешней цели, которой у стихов быть не должно» [5, 76-770].

Обратим внимание: в автобиографической прозе Цветаева по-прежнему сосредоточена на раннем этапе детского чтения (от 4-х до 10 лет). Вот почему её художественные образы, мемуарные свидетельства и размышления подтверждают и уточняют положения, содержащиеся в статьях, письмах и ответах на анкету.

Несколько иной характер носит открытое письмо «Детям», написанное зимой 1937-1938 года и предназначенное для детского журнала на русском языке. Оно, судя по советам этикетного и этического свойства, адресовано как 6-летним, так и 15-летним. Отсюда и ряд разнообразных определений: «милые дети», «люди или нелюди», «особая порода, ещё поддающаяся воздействию» [7, 646]. Литературная отсылка только одна, но показательная, – к определению романтизма, которое дал Жуковский. Очевидна и настойчивое желание внушить ребёнку-читателю мысль о важности нравственного самоопределения и самоуважения. Если бы в письмо оказалась включена рекомендация по детскому чтению, она в соответствии с доводами, приводимыми в этой эпистолярной статье, выглядела бы так: читать можно и немодную литературу, главное, чтобы она была благородной по содержанию и пробуждала бы ответные благородные чувства.

Обобщая сделанные наблюдения, обозначим наиболее часто встречающиеся и самые характерные у Цветаевой суждения и оценки, образующие её концепцию детской литературы. Согласно цветаевской точке зрения,

- детская литература по темам и языку не должна быть резко дистанцирована от взрослой, но в ней должны преобладать волшебные, таинственные (однако не абсурдно-фантастические) ситуации и героические образы;
- ведущими жанрами в прозе являются сказка или легендарно-историческое повествование, в поэзии – стихотворение-сценка, рассказ, монолог от лица животного;
- произведения должны быть реалистичны, динамичны по сюжету, диалогичны, забавны для самого маленького читателя, безупречны по художественным качествам и нравственны;
- литература для дошкольного и младшего школьного возраста требует наглядности образов; должна быть хорошо иллюстрирована;
- главные качества, которые детская литература воспитывает в ребёнке: доброта, умение сострадать и сопереживать;
- авторы детских книг, родители и педагоги, уважая выбор и интересы ребёнка-читателя, не должны допускать тематическое или идеологическое сужение этого выбора и ограничивать свободную реакцию на прочитанное.

Данная концепция в условиях эмиграции и по возвращении Цветаевой в СССР в 1939 году поддержана не была, однако она предвосхитила идейно-художественные особенности многих произведений русской художественной литературы для детей, наблюдения и советы, адресованные детским авторам К.И. Чуковским, а также те характеристики детской литературы, которые вошли в справочные и научно-методические пособия, в том числе и современные.

Литература:

1. Цветаева М.И. Собрание сочинений: В 7-ми томах. М.: ЭЛЛИС ЛАК, 1994. Т.1. Далее ссылки на это издание даются без фамилии автора, с указанием тома и страницы.